

Historia Russica

Маргарита Вандалковская

**Прогнозы постбольшевистского
устройства России в эмигрантской
историографии (20–30-е гг. XX в.)**

«ЦГИ Принт»

2015

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

Вандалковская М. Г.

Прогнозы постбольшевистского устройства России в эмигрантской историографии (20–30-е гг. XX в.) / М. Г. Вандалковская — «ЦГИ Принт», 2015 — (Historia Russica)

В монографии рассмотрены прогнозы видных представителей эмигрантской историографии (Г. П. Федотова, Ф. А. Степуна, В. А. Маклакова, Б. А. Бахметева, Н. С. Тимашева и др.) относительно преобразований политической, экономической, культурной и религиозной жизни постбольшевистской России. Примененный автором личностный подход позволяет выявить индивидуальные черты изучаемого мыслителя, определить атмосферу, в которой формировались его научные взгляды и проходила их эволюция. В книге раскрыто отношение ученых зарубежья к проблемам Советской России, к методам и формам будущих преобразований. Многие прогнозы и прозрения эмигрантских мыслителей актуальны и для современной России.

УДК 94(47)

ББК 63.3(2)

© Вандалковская М. Г., 2015

© ЦГИ Принт, 2015

Содержание

Введение	6
Религиозные мыслители	9
Георгий Петрович Федотов	11
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Маргарита Вандалковская
Прогнозы постбольшевистского
устройства России в эмигрантской
историографии (20–30-е гг. XX в.)

© Вандалковская М. Г., 2015

© Институт российской истории РАН, 2015

® Центр гуманитарных инициатив, 2015

* * *

Введение

Если у эмигрантов есть какая-нибудь задача, то она не может состоять ни в чем ином, как только в непрерывной работе над возвращением в русской душе и в русском сознании образа России.

Ф. А. Степуна

Российские эмигрантские мыслители 20–30-х гг. XX в. оставили огромное интеллектуальное наследие. Широко известны имена писателей В. В. Набокова, М. А. Алданова, Гайто Газданова, философов Н. О. Лосского, Н. А. Бердяева, историков Г. В. Вернадского, Е. Ф. Шмурло, А. А. Кизеветтера, представителей других специальностей – медицины, биологии, авиации, внесших вклад в русскую и мировую науку.

Эмигрантское творчество в разных сферах деятельности, обогащая западную культуру, впитывало в себя и ее достижения. Культурное взаимодействие, соприкосновение с другими традициями, с другой ментальностью и образом мышления накладывало отпечаток на эмигрантскую, российскую и западную науку. Синтетическим подходом, включающим научные знания о российском развитии и опыт западноевропейской истории, отличались и построения эмигрантов о будущей России.

Размышляя о России, многие эмигранты связывали ее будущее не с вооруженной интервенцией, что было характерно в основном для консервативной военной части эмиграции, а с развитием внутрироссийских процессов. Они обращались к истории, сравнивали Россию с европейскими странами, выявляли специфические особенности и тенденции будущего российского развития. Возникали мысли о путях преобразований, прогнозы построения новой России. Эти прогнозы отличались индивидуальностью, сосредоточенностью на наиболее близкой их автору области – политической, хозяйственной, национальной, международной, культурной жизни; иногда они содержали совокупный объем представлений о различных сторонах общественной жизни.

Представления или пророчества, вернее, прорицания будущего, построенные на основе научного осмысления происходящего, свидетельствовали о политической культуре эмиграции, ее способности обоснованно понимать связь прошлого с будущим и перспективы развития России. Поэтому многие идеи прогнозов Г. П. Федотова, Ф. А. Степуна, В. А. Маклакова, Б. А. Бахметева, П. Б. Струве, Н. Н. Алексеева актуальны и в современной России.

Сам факт существования этих предвидений диктовался стремлением помочь России в создании новой страны. Интеллектуалы-эмигранты осознавали, что эта помощь может состоять лишь в одном – в создании образа будущей России, в мобилизации своих профессиональных знаний для строительства демократического государства и преобразований в области экономической, социальной и культурной жизни. Характерно при этом, что многие из создателей этих проектов понимали отдаленность возрождения России во времени и нереальность собственного возвращения на Родину, но считали своим долгом служить России и ее будущим поколениям.

Изучение темы «Прогнозы постбольшевистского устройства России в эмигрантской историографии (20–30-е гг. XX в.)» базируется на многочисленных исследованиях, посвященных либерализму, консерватизму, политическим партиям, отдельным представителям этих течений, тем или иным проблемам, имеющим отношение к теме. Хронологически эти труды относятся к разным периодам российской истории XIX и XX вв. Но они позволяют понять

сущность явлений, на основе которых формировались изучаемые эмигрантские прогнозы российского будущего, их эволюцию и трансформацию¹.

Существенное значение имеют труды Н. В. Антоненко «Идеология и программатика русской монархической эмиграции» (Мичуринск, 2008), «Эмигрантские концепции и проекты переустройства России (20–30-е гг. XX в.)» (Мичуринск, 2011). Автор предпринял попытку комплексно рассмотреть эмигрантские проекты монархической, либеральной и социалистической направленности. Его исследования основаны на изучении большого числа документальных источников, главным образом партийного характера. Работы отличает историко-партийный подход к освещению темы (в подлинном, а не нарицательном смысле этого словосочетания); анализ программ политических партий является доминирующим.

Автор настоящей монографии использовал личностный подход, который позволяет сохранить индивидуальные черты изучаемого мыслителя, определить атмосферу, в которой формировались и развивались его научные взгляды. Кроме того, лишь при индивидуальном подходе возможно проследить, как именно тот или иной ученый выявлял природу исторических корней, связи и обусловленности исторических явлений или событий. Этот подход избавляет также от статичного и в известной мере формального фиксирования лишь результатов исследования ученого без учета сопровождавших это исследование раздумий, размышлений, выразительных деталей, которые не только обогащают представления о личности этого ученого, но и спасают сам достигнутый результат изучения от впечатления некоторой догматичности.

Предметом исследования являются труды ученых разных общественно-политических направлений. В книге рассматриваются религиозные мыслители Г. П. Федотов и Ф. А. Степун, творчество которых стало доступным в отечественной историографии лишь с 90-х гг. XX в. Они создали яркие представления о новой постбольшевистской России. В контексте данной темы их научное наследие рассматривается впервые. В творчестве этих ученых воплотились высочайшая культура европейского и российского образования и науки, а также свойственная религиозным мыслителям традиция связи христианского учения с его обоснованием историей. Современная историография церковной истории подчеркивает особое внимание ученых религиозного направления к историческим фактам и методам их использования. Одним из них является признание нерасторжимой связи настоящего с прошлым и будущим. Для Федотова и Степуна этот метод являлся основополагающим, на его основе строились прогнозы будущего России².

¹ См.: Шелохаев В. В. Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 г. М., 1983; *Он же*. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии 1907–1914 гг. М., 1991; Вандалковская М. Г. П. Н. Милоков – А. А. Кизеветтер: история и политика. М., 1992; Шелохаев В. В. Конституционные демократы // Политическая история России в партиях и лицах. М., 1993; *Он же*. Либеральная модель переустройства России. М., 1996; *Он же*. Социальная программа русского либерализма // Кентавр. 1994. № 6; *Он же*. Экономическая программа русского либерализма // Кентавр. 1994. № 4; *Он же*. Национальный вопрос в России. Либеральный вариант решения // Кентавр. 1993. № 2; Александров С. А. Лидер российских кадетов П. Н. Милоков в эмиграции. М., 1996; Канищева Н. И. Эволюция идеологии и программы кадетской партии в период Гражданской войны в эмиграции // Русский либерализм. Исторические судьбы и перспективы. М., 1999; *Она же*. Разработка П. Н. Милоковым тактического курса эмигрантских кадетских групп // П. Н. Милоков: историк, политик, дипломат. М., 2000; Репников А. В. Консервативная концепция российской государственности М., 1999; Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. / Под ред. В. Я. Гросула. М., 2000; *Он же*. Консервативные концепции переустройства России. М., 2007; Вандалковская М. Г. Прогнозы социалистического возрождения постбольшевистской России (по материалам журнала «Современные записки») // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2003. 1 (30); *Она же*. Историческая мысль русской эмиграции. 20–30-е гг. XX в. М., 2009; Антоненко Н. В. Эмигрантские концепции и проекты переустройства России (20–30-е гг. XX в.). Мичуринск, 2011; Протоколы Центрального Комитета и зарубежных групп конституционно-демократической партии, 1905 – середина 1930-х гг.: В 6-ти т. / Отв. ред. В. В. Шелохаев, сост. Н. И. Канищева и Д. Б. Павлов. М., 1996–1999; и др.

² Подробнее об этом см. также: Солцев Н. И. Провиденциальная историческая концепция в трудах историков-клириков XVIII–XIX веков. Н. Новгород, 2005. С. 3–4.

Либеральные консерваторы П. Б. Струве и В. А. Маклаков соединили в своих трудах черты либерализма и консерватизма. Они выступали защитниками гражданских и экономических свобод, правового устройства, целостного государства, уважения к государственной власти и закону, к ответственности в служении, за соблюдение чувства меры в политике. Обязательными признавались религиозное начало и верховенство церкви. Эти принципы являлись исходными в построении новой, постбольшевистской России.

К кругу рассматриваемых ученых относятся и либералы-демократы – П. Н. Милюков и Б. А. Бахметев. Отличные по своим воззрениям относительно настоящего и будущего России, они были близки по своей приверженности либеральным ценностям и видению России и ее истории через призму других стран. Для Милюкова таковым стал путь европейского, а для Бахметева – американского развития. Обоих отличал определенный прагматизм в подходе к историческому процессу.

Евразийское направление представлено в лице известного ученого-правоведа Н. Н. Алексеева, создавшего свой образ будущего российского государства как антитеза как западноевропейской, так и советской системам. По его мнению, новое российское государство должно было опираться на достижения советской власти, отрекаясь от ее классового принципа, внести в государственное строительство начала религиозности, социальности, «народного быта и духа».

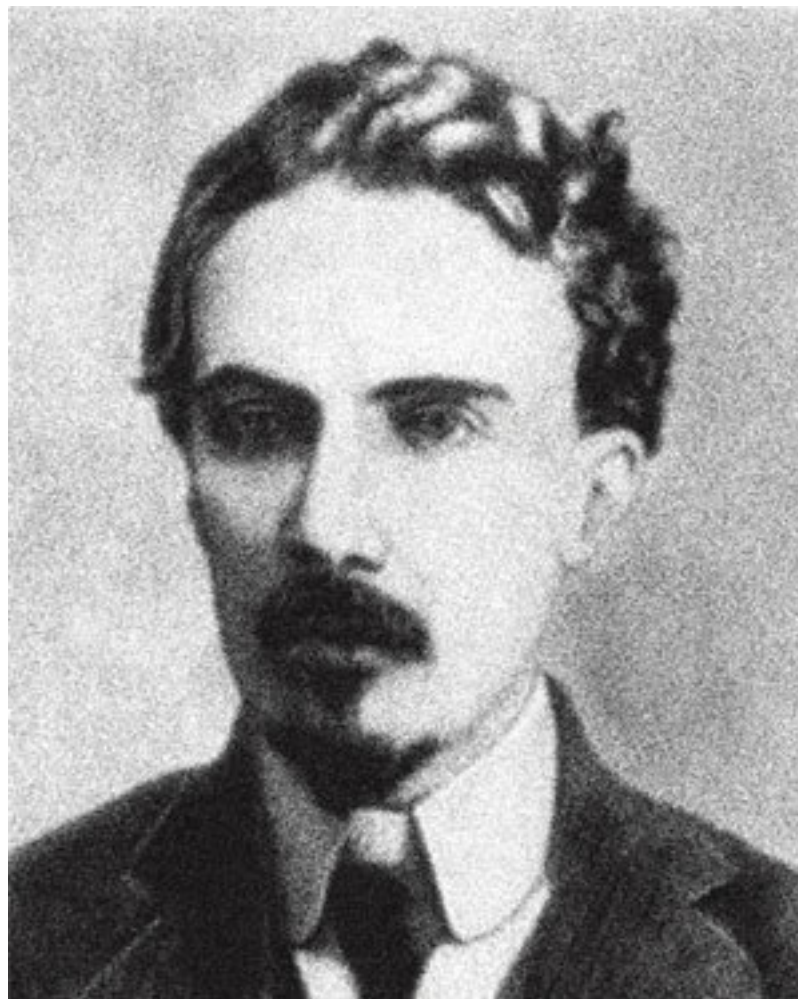
Все эти направления, отмеченные характерными для них стержневыми чертами, дают представление о сложной и многообразной картине представлений о новой России. Необходимо учитывать также, что под влиянием международной обстановки 20–30-х гг., по мере осознания трудности противостояния советскому строю, а также трансформации собственных позиций, происходил процесс эволюции и корректировки многих прежних взглядов, снижался уровень категоричности и непререкаемости прежних суждений, допускался компромисс разных позиций. Все это вело и не могло не привести к сближению и общности представителей разных направлений. Так, например, религиозные мыслители сближались в ряде случаев в своих воззрениях с либеральными консерваторами, а некоторые взгляды последних становились общими с убеждениями либеральных демократов и т. д.

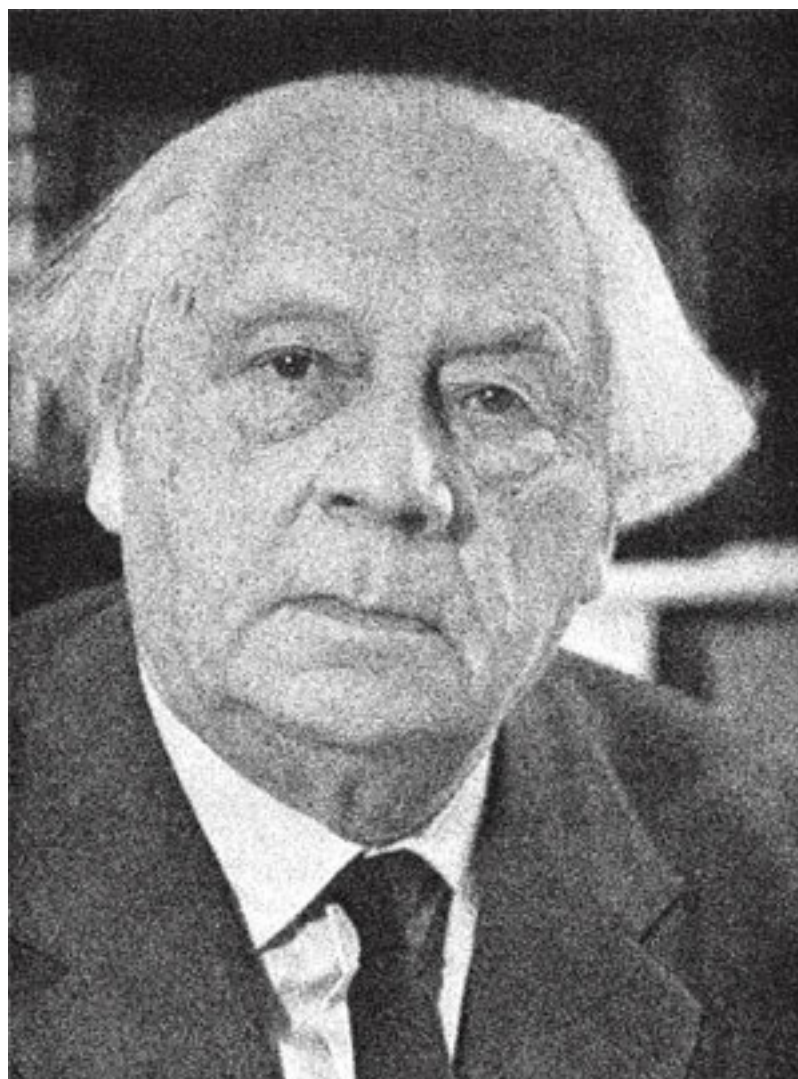
Источниками для написания монографии послужили труды Г. П. Федотова, Ф. А. Степуна, П. Б. Струве, В. А. Маклакова, П. Н. Милюкова, Н. Н. Алексеева, часто впервые используемые в исследовательской практике. По своему характеру это научные, литературно-художественные работы, публицистика.

Особую ценность для темы нашего исследования представляет эпистолярное наследие В. А. Маклакова и Б. А. Бахметева, талантливых политических деятелей, дипломатов и ярких выразителей интересов России. Они были различны по возрасту, менталитету и темпераменту, но их роднило отношение к России и ее будущему. Эта переписка впервые была опубликована О. В. Будницким в трехтомном издании ««Совершенно лично и доверительно!»: Б. А. Бахметев – В. А. Маклаков. Переписка 1919–1951» (Москва – Стэнфорд, 2010) по материалам Гуверовского института войны, революции и мира при Стэнфордском университете, а также Архива русской истории и культуры Колумбийского университета. В научный оборот был введен уникальный источник по истории Советской России, Гражданской войны, белого движения и истории российской эмиграции с ее постоянной устремленностью к России и ее будущему.

Структура монографии определяется ее замыслом. В отдельных главах или очерках исследуются взгляды представителей разных научных направлений о будущей России.

Религиозные мыслители

Георгий Петрович Федотов

Россия, ее история и культура занимали одно из главных мест в творчестве религиозного мыслителя, замечательного русского историка и публициста Георгия Петровича Федотова. Г. П. Федотов родился 1 октября 1886 г. в Саратове, где его отец служил чиновником в губернаторской канцелярии; мать была учительницей музыки. По его воспоминаниям, в детстве он жил в православной среде, увлекаясь духовной литературой. В гимназии под влиянием революционно-демократической публицистики, марксистской литературы в его мировоззрении совершается поворот от религиозной веры к революционной действительности. После окончания гимназии Федотов поступил в Петербургский Технологический институт «как наиболее демократический» в надежде стать инженером и быть ближе к рабочей среде. Во время революции 1905 г. он был арестован за пропаганду революционных идей и приговорен к ссылке в Архангельскую губернию. Но благодаря ослаблению полицейского режима при Святополк-Мирском и семейным связям ссылка была заменена высылкой за границу на два года.

Это время для Федотова было насыщено огромной интеллектуальной работой. Он слушал лекции по истории и философии в университетах Берлина и Йены. После возвращения в Россию он поступает на историко-филологический факультет Петербургского университета. Здесь, под влиянием его учителя И. М. Гревса, создателя блестящей петербургской школы медиевистов, формировались научные взгляды Федотова. В его окружении в эти годы находились будущий религиозный философ Л. П. Карсавин, С. С. Безобразов (впоследствии епископ Кассиан Катанский), В. В. Вейдле, в дальнейшем критик и литературовед, профессор богословского института, О. А. Добиаш-Рождественская, получившая известность как медиевист, источниковед, палеограф, и др.

Необычное трудолюбие, эрудиция, самодисциплина, талант глубоко проникать в суть изучаемых тем обусловили дальнейшее пребывание Федотова в университете для подготовки к профессорскому званию. После сдачи магистерских экзаменов (1914–1915 гг.) Федотов получил приват-доцентуру по кафедре средних веков. С 1917 г. он должен был приступить к чтению лекций в университете. Однако студентов, записавшихся на курсы лекций по средневековью, оказалось недостаточно для открытия курса. Во время революции 1917 г. Федотов не проявлял никакой политической активности, целиком погрузившись в религиозно-философские размышления.

Осенью 1917 г. Федотов поступил на работу в отдел истории Публичной библиотеки, где познакомился с философом А. А. Мейером и известным религиозным деятелем А. В. Карташевым, под воздействием которых развивалось его религиозно-христианское мировоззрение.

В советские годы Федотов работал переводчиком в разных издательствах, писал статьи о европейской культуре. В 1924 г. вышла единственная изданная в России книга Федотова «Абеляр». В этой книге трагическая судьба религиозной личности была показана как отражение историко-культурной эпохи. Эта тема станет одной из ведущих в трудах Федотова, посвященных разным конкретно-историческим условиям.

Критическое отношение к советской действительности, трудности быта, гонения на свободную творческую мысль заставили Федотова эмигрировать из России. В 1925 г. он поселился в Париже. В научном творчестве он успешно сочетал темы западной и российской истории. Для многих российских эмигрантов-интеллектуалов, как и для Федотова, обращение к России, ее истории и культуре являлось не только академическим занятием, но и актуальной жизненной темой. Труды Федотова разных лет «Святой Митрополит Московский», «Святые Древней Руси», «И есть, и будет», «Социальное значение христианства», «Эсхатология и культура», многочисленные статьи в евразийских «Верстах», в бердяевском «Пути», в издании Керен-

ского «Новая Россия», в «Современных записках», в «Новом журнале» и в других органах печати сохраняют научную ценность и по сей день. Этому способствовали высочайший профессионализм и талант ученого.

Значительным событием в эмигрантской общественной мысли был выход в свет журнала «Новый град» (1931–1939), в котором Федотов, наряду с Ф. А. Степуном и И. И. Бунаковым-Фондаминским, играл ведущую роль. Создатели журнала были единомышленны в осознании несовершенства и несостоятельности духовной атмосферы современности, европейских демократических режимов, тоталитарного государственного устройства, фашистских государств, Советской России и глубоко осознавали необходимость обновления европейской и российской жизни. Журнал по существу создавал программу Возрождения новой демократической России, в которую Федотов внес значительный вклад. Новаторство «Нового града» состояло в синтетическом подходе к осмыслению общественно-политической обстановки, в которую включались проблемы западной и российской истории, современности, темы культурной и духовной жизни общества.

Научно-публицистическое наследие Федотова в эмиграции высоко оценивалось современниками. Его признавали незаурядным мыслителем, талантливым автором созданной им «философии истории», или «философии культуры», а также блестящим стилистом, художником слова. Полемическое искусство Федотова оценивалось как выражение бескомпромиссной нравственной позиции и независимости суждений.

В эмиграции Федотов вел и большую преподавательскую работу: читал лекции по истории Западной церкви, вел занятия по латинскому языку, агиологии в Парижском богословском институте. Начало Второй мировой войны, оккупация Парижа, неприятие нацистского режима заставили его перебраться на юг Франции. Но вскоре он решил покинуть Европу и переехал в США. Там он преподавал в Йельском университете, а затем в Нью-Йорке в Свято-Владимирской семинарии, публиковал статьи в «Новом журнале». 1 сентября 1951 г. Федотов скончался в госпитале города Бэкона за чтением «Вильгельма Мейстера» Гете. Кончина за чтением книги, по свидетельству М. Карповича, была им предсказана.

Литература о Федотове незначительна. Наибольшую научную ценность, как представляется, составляют статьи о нем современников, в частности, М. М. Карповича, Ф. А. Степуна. Карпович, автор посмертной статьи о Федотове, писал, что «своеобразие ума и таланта Г. П. делает очень трудной характеристику его литературной и общественной деятельности – если пользоваться для этой цели рубриками традиционной, или рутинной классификации... его никак не удастся уложить ни на одну из этих прочно сколоченных, но порядочно запыленных полочек»³.

Действительно, и славянофильство, и западничество воспринималось им не в традиционно-консервативном, косном варианте. Со славянофилами его роднила религиозность, верность национальным традициям, с западничеством – принцип политической свободы, приверженность к демократии, обеспечивающей свободу и социальную справедливость. Карпович вполне обоснованно называл Федотова религиозным западником, политическим и христианским демократом и социалистом.

Яркой по форме и многоплановой по содержанию являлась статья Степуна о Федотове⁴. Их содружество в «Новом граде» отличалось взаимопониманием и большим доверием. Степун относил Федотова к людям культуры Возрождения, называл его гражданином мира, русским патриотом, вселенским христианином и православным демократом. Он видел в Федотове и ученого-историка, и страстного политического полемиста. Вместе с тем, Степун отмечал, что его высказывания, в том числе научные, таят в себе печать этически-волевых импуль-

³ Карпович М. М. Г. П. Федотов // Новый журнал. 1957. № 27. С. 208.

⁴ Степун Ф. А. Г. П. Федотов // Сочинения. М., 2000. С. 747–761.

сов, а писательское оформление мыслей имеет скорее эстетический, чем научно-дисциплинированный характер. Это утверждение представляется не совсем точным. Федотов, пройдя историческую школу Гревса, обладал глубокими знаниями и высоким профессиональным мастерством. Присущие ему импульсы скорее можно отнести к форме выражения мыслей, чем к их содержанию. Что касается эстетического характера писательского стиля Федотова, то в этом проявлялась свойственная ему свобода творчества и чуждость стереотипности, сухой манере изложения исторического материала, часто характерной для научных трудов. В статье Степуна проявились и некоторые мировоззренческие разногласия с Федотовым. Степун укорял Федотова в том, что приход к православию не оторвал его от марксизма и революционного прошлого, какого не было у Степуна. Этот упрек также не представляется обоснованным. Интерес к марксизму и революционно-пропагандистской работе был временным этапом, не определяющим федотовского мировоззрения и творческого вклада. Увлечение левыми общественно-политическими течениями было характерным явлением эпохи. Можно назвать, в частности, Бердяева, для которого марксизм был временным, поисковым этапом развития.

Значительную роль в распространении творческого наследия Федотова сыграли публикации издательства им. Чехова в Нью-Йорке и YMCA-Press в Париже⁵.

В советской литературе Федотов как религиозный мыслитель был забыт. О нем не упоминали даже в историографической литературе по медиевистике при характеристике научной школы И. М. Гревса. В 90-е гг. XX в. возвращение в Россию культурного наследия эмиграции пробудило интерес к личности и творчеству Федотова. Появились публикации его работ, аналитические статьи, разделы о нем в монографических исследованиях. В. Ф. Бойков, В. В. Сербиненко, О. Д. Волкогонова, С. С. Бычков (составитель 12-томного собрания сочинений Федотова) внесли свой вклад в изучение творчества этого незаурядного мыслителя, автора ярких и талантливых работ о России, ее прошлом, настоящем и будущем⁶.

Историю России Федотов рассматривал сквозь призму культуры. Мысль о спасительной роли культуры была характерна для многих мыслителей конца XIX – начала XX вв. Об этом писали Н. А. Бердяев, П. Б. Струве, А. В. Карташев и др. Глубокий смысл в спасительной роли культуры признавал и В. А. Маклаков: «Пропадали государства, – писал он, – но сохранялась культура и государственность возрождалась»⁷.

Федотов исследовал духовную жизнь русского народа, разные проявления народного духа. Он осознавал и различия историческо-культурного развития России и Европы, т. е. «различие исторического дня», которое он видел в проявлениях капитализма, социализма, национализма и космополитизма. Эти различия, по мнению Федотова, ярко проявлялись и в современной ему действительности.

«Россия поднята на коммунистическую дыбу», во имя коммунизма истребляют миллионы, отменяется христианство и культура, воцаряется всеобщая нищета. Европа тоже больна, но совсем не коммунизмом. Имя ее болезни: капитализм – в плане экономическом, национализм – в плане политическом. Из этого проистекало и различие задач⁸.

Разумеется, Федотова волновала прежде всего судьба России и ее будущее. Размышляя об этом, он приходил к выводу, что Россия – «единственная земля, быть может, кроме

⁵ Федотов Г. П. Новый град. Сб. статей. Нью-Йорк, 1952; *Он же*. И есть, и будет. Париж, 1932; *Он же*. Лицо России. Статьи 1918–1930. Париж, 1988; *Он же*. Россия, Европа и мы. Сб. статей. Париж, б. г.; и др.

⁶ Федотов Г. П. Судьба и грехи России... Избранные статьи по философии русской истории и культуры. Составление, вступительная статья, примечания В. Ф. Бойкова. СПб., 1991–1992. Т. 1–2; Сербиненко В. В. Оправдание культуры. Творческий выбор Г. Федотова // Вопросы философии. 1991. № 8; Волкогонова О. Д. Образ России в философии русского зарубежья. М., 1998; Федотов Г. П. Собрание сочинений в 12 тт. М., 2011–2012; и др.

⁷ См.: Последние новости. 1926. 8 июня.

⁸ Федотов Г. П. Россия, Европа и мы // Судьба и грехи России... Т. 2. С. 4, 13.

стран Азии, где национальная идея не исчерпала своего творческого, культурного содержания». В дальнейшем эта идея, считал Федотов, была искажена этнографическим подходом и отодвинута западничеством. И лишь в XX в. впервые был поставлен вопрос о древнерусском искусстве и русской религиозности. Но это духовное возрождение было прервано войной и революцией⁹.

«Мы стоим опять, как сто лет тому назад, перед загадкой России, властно требующей своего разрешения... Теперь, когда тема России стала актуально (а не потенциально лишь) вселенской, на русскую интеллигенцию ложится сугубый долг изучения и осмысления судьбы России». В этом Федотов видел и свой долг: «Неустанно, черта за чертой восстанавливать сложный лик России из множества противоречивых ее отражений. И доказывать, что эта работа воссоздания распавшегося образа России есть единственное, чего Россия ждет от своих изгнанных детей»¹⁰.

Обращение Федотова к историко-культурному развитию России было не случайным. Оно давало ему почву для осмысления прошлого, настоящего и будущего. В историческом развитии России Федотов видел три периода, определяемых культурой Киева, Москвы и Петербурга. Привычная в русской общественной мысли дилемма Россия – Запад нашла в этом подходе Федотова свое особое воплощение.

Киевская Русь, по мысли Федотова, являлась «эпохой высшего культурного расцвета Древней Руси», поскольку была связана с Византией и имела восточно-греческие корни. Киевскую культуру Федотов рассматривал как христианскую прививку «на грубом славянском дичке», как аристократическую культуру, которая не питалась народным творчеством и «излучалась в массы из княжеских теремов и монастырей» и рост ее протекал медленно, но «органично» и «непрерывно».

В Киевской Руси Федотов не усматривал явного противопоставления Руси Западу, но признавал, что именно в Киеве было «заложено зерно будущего раскола в русской культуре», связывая это с переводом на славянский язык Библии. И хотя Библия способствовала принятию христианства на Руси, но ценой отрыва от классической научной, философской, литературной традиции, потери влияния Гомера и Платона.

Московское царство вызывало у Федотова критическое отношение. Он объяснял это овосточиванием Руси после татаро-монгольского ига. Федотов видел в Москве «азиатскую душу», а ее культуру называл «узкой» и «провинциальной». «Московское самодержавие, – писал он, – при всей своей видимой цельности, было явлением очень сложного происхождения»: московский государь был «хозяином земли русской» и одновременно преемником ханов-завоевателей и императоров византийских. Деспотизм и закабаление народа при создании централизованного государства сочеталось вместе с тем с развитием культуры: «Пятнадцатый век – золотой век русского искусства и русской святости»¹¹. Федотов отмечал также огромный вклад в русскую культуру купечества, предприимчивость которого создала почву для создания Императорской России.

Петровская эпоха, полагал Федотов, положила начало противоречиям русской жизни, приведшим в конечном счете к революции. Петр I расколол Россию «на два общества, два народа, переставших понимать друг друга... Отныне рост одной культуры, импортной, совершается за счет другой – национальной»¹². Крестьянство осталось верным христианству и национальной культуре, а над ним возвышался класс господ, получивших над ним право жизни и смерти и презиравших его веру, быт, одежду и язык. Россия со времен Петра I пере-

⁹ Федотов Г. П. Новый идол // Судьба и грехи России... Т. 2. С. 89.

¹⁰ Федотов Г. П. Там же. С. 59–60, 64.

¹¹ Федотов Г. П. Россия и свобода // Судьба и грехи России... Т. 2. С. 281.

¹² Федотов Г. П. Трагедия интеллигенции // Там же. Т. 1. С. 80.

стала быть понятной русскому народу, а его культура утратила свое единство. «Две разные культуры сожительствовавали в России XVIII века. Одна представляла варварский пережиток Византии, другая – ученическое усвоение европеизма»¹³. В то же время, отмечает Федотов, XVIII век, несмотря на тяжесть европеизации России, обогатил мир величайшими достижениями русской культуры. Европейский гуманизм повлиял на такие явления русской культуры, как Пушкин, Толстой, Достоевский. «Ясно и то, – писал Федотов, – что в Толстом и Достоевском впервые на весь мир прозвучал голос допетровской Руси, христианской и даже, может быть, языческой, как в Хомякове и в новой русской богословской школе впервые, пройдя искус немецкой философии и католической теологии, осознает себя дух русского православия»¹⁴.

Сосредоточенность Федотова на духовном мире, национальном самосознании, естественно, определялась его особым вниманием к религиозному мирозерцанию русского народа. Он изучал духовные стихи – эпические песни на религиозные темы, жизнь русских праведников и мучеников, писал о святости Бориса и Глеба, которые заложили в народное сознание идею непротивления злу, ставшую, по мнению Федотова, национальным русским подвигом¹⁵.

«Изучение русской святости в ее истории и ее религиозной феноменологии, – считал Федотов, – является сейчас одной из насущных задач нашего христианского и национального возрождения. В русских святых мы чтим не только небесных покровителей святой и грешной России; в них мы ищем откровения нашего собственного духовного призвания и, конечно, всего полнее оно осуществляется его религиозными гениями»¹⁶. Русские святые, по Федотову, создали архетип духовной жизни с его религиозно-нравственными устоями, которые определили жизнеспособность Древней Руси. И в дальнейшем с православием и святостью были связаны жизнестойкость Руси во время монгольского нашествия, духовный подъем XIV в. Идеал духовной жизни Древней Руси, считал Федотов, обусловил и характер русской культуры, для которой свойственно опережение духовных сторон жизни в сравнении с социально-экономическими¹⁷.

Обращение Федотова к человеку, признаваемому им «первой предпосылкой культуры», особенно к русскому человеку, его характеру, особенностям ментальности, трансформации в экстремальных исторических условиях было закономерным. Эта тема была актуальна, ей посвящали страницы своих трудов Н. А. Бердяев, С. Л. Франк и другие эмигрантские мыслители, стремясь понять природу русской души и тем самым определить ее возможные проявления в будущем.

«Мы жадно вглядываемся в черты нового человека, созданного революцией, потому что именно он будет творцом русской культуры, – писал Федотов. – Вглядываемся – и не узнаем его. Первое впечатление – необычайная резкость произошедшей перемены. Кажется, что перед нами совершенно новая нация»¹⁸.

И Федотов обращается к истории, к традициям, заложенным в человеке прошлого. Он определяет два типа русскости: московский человек и интеллигент. Москвич – устойчивый и выносливый, равнодушный к ближнему, «сплав великоруса с кочевником-степняком, отлитым в форму иосифлянского православия», он примитивен, его православие – бытовое исповедничество, его мораль имеет антихристианские черты.

¹³ Федотов Г. П. Россия и свобода // Там же. Т. 2. С. 288–289.

¹⁴ Федотов Г. П. Трагедия интеллигенции // Там же. Т. 1. С. 81.

¹⁵ Буганов А. В. Личности и события истории в массовом сознании русских крестьян XIX – начала XX вв. Историко-этнографическое исследование. М., 2013. С. 68.

¹⁶ Федотов Г. П. Святые древней Руси. М., 1990. С. 27.

¹⁷ Волкогонова О. Д. Образ России в философии русского зарубежья. М., 1998. С. 91–95.

¹⁸ Федотов Г. П. Письма о русской культуре // Судьба и грехи России... Т. 2. С. 165.

Москва, по Федотову, определила путь от свободы к рабству, к угасанию культуры, святости, огрубению быта. «Весь процесс исторического развития на Руси, – писал Федотов, – стал обратным западноевропейскому: это было развитие от свободы к рабству. Рабство диктовалось не капризом властителей, а новым национальным заданием: создания империи на скудном экономическом базисе. Только крайним и всеобщим напряжением, железной дисциплиной, страшными жертвами могло существовать это нищее, варварское, бесконечно разрастающееся государство»¹⁹. Свобода в Москве была заменена волей. «Свобода личная немислима без уважения к чужой свободе; воля – всегда для себя. Она не противоположна тирании, ибо тиран есть тоже вольное существо. Разбойник – это идеал московской воли...» Подобная оценка московского человека сближает его с большевиком. «Советский человек, – пишет Федотов, – не марксист, а москвич», он утратил качества, присущие изначально русскому человеку: доброту, способность жалеть людей. «Поколение, воспитанное революцией, с энергией и даже яростью борется за жизнь, вгрызается зубами не только в гранит науки, но и в горло своего конкурента-товарища. Дружным хором ругательств провожают в тюрьму, а то и в могилу, поскользнувшихся, павших, готовы сами отправить на смерть товарища, чтобы занять его место»²⁰.

Второй тип русскости – это интеллигент, «вечный искатель, энтузиаст, отдающийся всему с жертвенным порывом... Беззаветно преданный народу, искусству, идеям... Непримируемый враг всякой неправды, всякого компромисса... эсхатологический тип христианства... Для него творчество важнее творения, искание важнее истины, героическая смерть важнее трудовой жизни»²¹. В своих многочисленных статьях, особенно в работах «Трагедия интеллигенции» и «Создание элиты», Федотов раскрыл эволюцию русской интеллигенции и ее угнетение или гибель в советское время.

И тем не менее он полагал (постоянная федотовская мысль о преемственности развития), что общий процесс развития культуры не зависит от политики. Культура, творимая и хранимая ранее интеллигенцией, спускается в глубину масс и вызывает переворот в их сознании; она перестает быть замкнутой или двухэтажной и становится единой, приобретает демократический характер. При этом глубоко понижается ее уровень. В России развивается не культура, которая всегда основана на примате философско-эстетических принципов, а цивилизация, построенная на базе научно-технических элементов. Соответственно с этим формируется и тип человека. У него нет культурной среды, воздуха культуры, профессиональная школа может сделать его специалистом, но культурным человеком он не станет, если его мастерская не преобразуется в храм.

Современная исследовательница О. Д. Волкогонова справедливо признает, что характеристика русского национального типа, созданная Федотовым, является его большой удачей.

Федотов отвергал широко распространенное мнение современников о том, что революция – «суд Божий» или неперемное условие дальнейшего развития. Для него революция – величайшее потрясение, «жесткое и бездушное время», резкий перелом, при котором зачеркивается целая историческая эпоха с ее опытом, традицией и культурой. При этом Федотов не отрицал нравственного содержания лозунгов Великой французской революции, полагая, что любовь к свободе, равенству, энтузиазм явились действием положительных сил, что привело к формированию национального сознания и гражданственности. Но одновременно в революции проявились и «сатанинские силы» сословной, классовой и антихристианской ненависти,

¹⁹ Федотов Г. П. Россия и свобода // Судьба и грехи России... Т. 2. С. 284–285.

²⁰ Федотов Г. П. Письма о русской культуре // Там же. С. 165, 186.

²¹ Федотов Г. П. Создание элиты // Там же. С. 207–210.

которые ведут тяжбу с установившимися традициями. Эта борьба обедняет культуру победившей стороны²².

«Русская революция, – писал он, – стоит третьей в ряду – после Англии и Франции». Она отличается жестокостью классово-борьбы, которая связана с сознательным истреблением старого культурного класса и заменой его новой, поднявшейся из низов интеллигенции, с чрезвычайно быстрым приобщением масс к цивилизации в ее интернациональных и поверхностных слоях, в рационализации русского сознания, в стремлении тоталитарного государства создать новый тип догматического человека.

Федотов отчетливо проводит мысль о том, что революция всегда в конечном счете приводит к террору, а в области культуры – к необратимым потерям²³.

Неприятие советского строя, сталинского террора и всей деспотической системы управления, развала старой культуры, столь почитаемой Федотовым, сопровождалось сохранением веры в возрождение России. При этом Федотов полагал, что истинная почва для возрождения страны содержится в ней самой, в тех людях, которые эволюционируют в своем мировосприятии и могут выступить носителями новой демократической культуры. «Будущее России сейчас уже связано не с тем поколением, которое было застигнуто войной 1914 года, а тем, которое воспитано Октябрьской революцией. . . Историк знает, – писал он, – что, как ни резки бывают исторические разрывы революционных эпох, они не в силах уничтожить непрерывности. . .» – и далее: «Октябрьское поколение не помнящих родства было бы бессильно что-либо создать, если бы в нем. . . не жил гений народа»²⁴.

Диалектический подход к историко-культурному процессу в России, признание противоречивости и одновременно стабильности поступательного развития базировалось у Федотова на его историософских основах. Для Федотова существовало «две философии истории. Для одной из них история всегда поступательное движение, развитие или прогресс или раскрытие абсолютного духа. Консервативный или революционный, но это всегда дифирамб действительности. Все злое и темное в историческом процессе принимается как жертва или цена. И эта цена никогда не кажется слишком дорогой, ибо покупаемое благо мыслится бесценным и бесконечным – в необходимой перспективе будущего»²⁵. Эта точка зрения, по словам Федотова, была преисполнена «неисправимым оптимизмом» – «все к лучшему в этом лучшем из миров». Пала Римская империя и цивилизация – чудесно! Разлагается культура средневековья, далее Ренессанс создает более высокие формы жизнедеятельности; монгольское иго помогло Руси создать свою государственность, причина демократизировала правящий класс, смутное время консолидировало Россию. Порочность этой позиции Федотов усматривал в том, что ее сторонники акцентировали внимание лишь на позитивных моментах и не озадачивались «бесспорным фактом попятных движений в истории, ни даже гибелью государства, народов, культур»²⁶. Подобный взгляд на ход исторического процесса Федотов считал неприемлемым.

«Но есть другой взгляд на историю как на вечную борьбу двух начал». Ничто не предопределено в истории силой естественных законов или движением божественной воли, «ибо история есть мир человеческий – не природный и не божественный, – и в нем царит свобода. Как ни велико в истории значение косных, природных, материальных сил, но воля вдохновленного Богом или соблазненного Люцифером человека определяет сложение и распад природных

²² Федотов Г. П. Правда побежденных // Судьба и грехи России. . . Т. 2. С. 22–23.

²³ Федотов Г. П. Русский человек // Новый град. С. 63–64; *Он же*. Правда побежденных. С. 22–23; *Он же*. Сталинокрапия // Полн. собр. соч. Т. 3. С. 263.

²⁴ Федотов Г. П. Русский человек // Новый град. С. 60–61.

²⁵ Федотов Г. П. Правда побежденных // Собр. соч. Т. 3. С. 59.

²⁶ Федотов Г. П. Правда побежденных // Собр. соч. Т. 3. С. 59–60.

сил». «... Не может в мире пройти бесследно, – рассуждал Федотов, – ни слабое проявление добра, ни зла. Они... включаются в разные одновременно действующие процессы созидания и разрушения». И в видимом единстве жизни, «всегда можно различить двоякую детерминированность: к вечности и к смерти»²⁷.

Человек с его сложным и противоречивым миром является «предпосылкой» хода истории и культуры. Для Федотова свободный человек, связанный с Богом и одновременно искушаемый Злом, – главный и единственный «двигатель» исторического процесса, создатель «исторической мистерии». Детерминистический подход к историческому процессу, определяемый историческими законами или «Волей Провидения» Федотов не принимал. Свобода нравственного выбора человеческой личности являлась для него определяющим фактором исторического развития. «Не разделяя доктрины исторического детерминизма, – писал Федотов, – мы допускаем возможность выбора между разными вариантами исторического пути народов»²⁸.

Содержанием исторического процесса Федотов считал завоевания человека в разных областях жизни, сохраненных и развитых разными поколениями. «Лицо России не может открыться в одном поколении, современном нам. Оно в живой связи всех отживших родов, как музыкальная мелодия в чередовании умирающих звуков. Падение, оскудение одной эпохи – пусть нашей эпохи – только гримаса, на мгновение исказившая прекрасное лицо, если будущее сомкнется с прошлым в живую цепь»²⁹.

Идея органической связи поколений и сохранения традиций является для Федотова стержнем концепции российской истории и залогом ее возрождения в постбольшевистский период. При этом традиции рассматривались, проницательно заметил Карпович, не как неприкосновенные реликты, а как духовное оружие, служившее «в борьбе с новым злом и во имя новых целей»³⁰.

Незаурядность ученого проявлялась в его методе анализа исторического материала. Он широко и масштабно мыслил. Причины изучаемых им исторических явлений он искал не в отдельных фактах, а стремился изучить исторический процесс как целое, в котором существовали противоречивые тенденции и выявлялись ведущие линии развития.

Обращение Федотова к ключевым проблемам российской истории разных эпох дореволюционного и советского времени диктовалось стремлением понять их сущность и осознать перспективы развития. Современность он стремился постичь, изучая события прошлого, будущее становилось для него понятным при осмыслении современности. Вера в Россию определялась мировосприятием Федотова, его нравственным мировоззрением и научными позициями. Любовь к России, убежденность в ее историко-культурном величии, осознание необходимости внести свою лепту в ее возрождение, а также созданная научная историко-философская концепция служили базой обоснованных суждений Федотова о России. Его многочисленные статьи 20–30-х гг. содержат постоянный посыл: у России есть будущее и она возродится в постбольшевистское время.

Научный подход к пониманию исторического процесса обеспечил Федотову содержательность и во многом обоснованность созданной им программы Возрождения России. Он неизменно верил в будущее новой постбольшевистской России. Многие положения этой программы сохраняют свое значение и в настоящее время. «В нас должно совершиться рождение будущей великой России... – писал Федотов. – ...мы призываем с напряженным востор-

²⁷ Там же. С. 47–51.

²⁸ Федотов Г. П. Россия и свобода // Судьба и грехи России... Т. 2. С. 277.

²⁹ Федотов Г. П. Лицо России // Судьба и грехи России... Т. 1. С. 44–45.

³⁰ Карпович М. М. Г. П. Федотов // Новый журнал. 1957. № 27. С. 271.

гом вглядываться в лицо России и запечатлеть ее черты. Поведать всем забывшим о ее славе. Влить бодрость в малодушных, память в непомнящих, свет в темных... Мы знаем, мы помним. Она была Великая Россия. И она будет!»³¹

Возрождение России Федотов связывал с христианством, с его духовными и культурными ценностями. Христианство он считал религией всеобъемлющего совершенства, не зависящей в своей этике ни от какого общественного строя; «идеал христианства высок и недостижим». Христианство содержит нравственные критерии: любовь к человеку, справедливость, борьбу со злом, братские начала жизни и обеспечивает своим духовным богатством личность. «Святость, недостижимая в общественной жизни, – полагал Федотов, – возможна лишь в личном совершенстве»³².

«В христианстве – и только в нем – утверждается одновременно абсолютная ценность личности и абсолютная ценность соборного соединения личностей... В недрах христианства рождается новое социальное сознание»³³. Только человек как творец истории может принести в нее христианские ценности. Христианство дает нравственные критерии не только личной, но и общественной жизни. Лишь на почве христианства разрешимы, по Федотову, два недуга, которыми больно человечество: ненависть классов и ненависть наций. Христианство также может понять и разрешить противоречия личности и государства, обеспечить равновесие между личностью и обществом.

По мысли Федотова, поиски общественного идеала – дело человека, его совести и его свободы. Ценность социальных форм зависит прежде всего от того, кто наполняет их нравственным содержанием и духом социального идеализма. Идеал братства несовместим с существованием резких социальных противоречий богатства и бедности. Социальный вопрос является практическим выводом из постулата христианского братства³⁴.

Общественным устройством, в котором могут воплотиться христианские нравственные ценности, является социализм, который, по словам Федотова, в своем рождении вырастает «из тех же слоев сердца, что «Бедные люди» Достоевского или «Отверженные» Гюго», и в котором живет «вечная правда, всего смысла которой он еще сам не постигает. Человечество должно воплотить в жизнь свое умопостижимое братство»³⁵.

Однако новый, современный Федотову социализм он оценивает как упадочную линию развития: «Социализм [в широком значении. – М. В.] утратил весь привкус утопичности и максимализма, который превращал его в “музыку будущего”»³⁶. Он свободен от романтики и морализма, его отправная точка – не защита угнетенных, а сохранение общества в целом. Он проникнут пафосом не справедливости, а организации. Его идеал становится родственным техническому идеалу и становится «как бы социальной транскрипцией техники: социальным конструктивизмом»³⁷.

Современный западный социализм Федотов считает «серьезно больным». «Одна из величайших сил, творящих историю наших дней, социализм, – пишет он, – переживает время тяжелого кризиса, из которого он может выйти возрожденным или погибшим, задавив под своими обломками европейскую культуру»³⁸.

³¹ Федотов Г. П. Лицо России // Судьба и грехи России... Т. 1. С. 45–46.

³² Федотов Г. П. Социальное значение христианства. Собр. соч. в 12 тт. Т. IV. С. 292.

³³ Федотов Г. П. Социальный вопрос и свобода // Судьба и грехи России... Т. 1. С. 300.

³⁴ Федотов Г. П. Социальное значение христианства; *Он же*. Проблемы будущей России // Собр. соч. Т. V. С. 190–195.

³⁵ Федотов Г. П. Социальный вопрос и свобода // Судьба и грехи России... С. 287; *Он же*. С.-Петербург. 22 апреля (5 мая) 1918 г. // Лицо России. Париж, 1967. С. 10.

³⁶ Федотов Г. П. Социальный вопрос и свобода // Судьба и грехи России... Т. 1. С. 286.

³⁷ Там же. С. 59–62.

³⁸ Федотов Г. П. С.-Петербург. 22 апреля (5 мая) 1918 г. // Лицо России. Париж, 1967. С. 8.

В Советской России, по Федотову, не существовало социализма органического происхождения, поскольку не было и капитализма. Социализм осуществлялся «жесткими руками», что привело к тирании, к подавлению личности и всех общественных классов. Материализм, этика классового эгоизма и ненависти, растворение личности в партийном и классовом коллективе Федотов считал несовместимым с христианством. Российский социализм он, таким образом, признавал забвением социальных основ христианства и враждебным ему.

Будущее российского развития предопределено для Федотова прежде всего его историческим прошлым и той почвой, которая была создана Советской Россией; Россия подвержена «общему печальному закону» европейской истории. Федотов являлся сторонником западноевропейского развития России. В духе государственной школы, школы Ключевского он не исключал и влияния своеобразия России на ее исторический путь. Капитализм Федотов считал для России закономерно обусловленным. Однако, в силу отсталости России «молодой русский капитализм» не имел навыков высокой технической школы, профессиональной этики, корпоративного самосознания.

Советское время, предшествующее новой России, Федотов называл «подобным петровскому», «бесконечно» углубившим экономический ров между Россией и Западом. Возможность засыпать этот ров он связывал с капиталистическим развитием и с этизацией капиталистического производства. Федотов отмечал особую «чуткость» большевиков в их обостренном внимании к проблемам техники и индустрии, но и называл их разрушителями русской промышленности, «окарикатуривших ее до сталинских пятилеток».

Новая постбольшевистская Россия, по его представлению, должна быть экономически независимым государством, хозяйственной автаркией, что возможно лишь при развитии капиталистического производства. В ответ на возражение современников, что на Западе капитализм исчерпал себя и его развитие связано с идеей социализма, Федотов отвечал, что многие идеи, в том числе и идея парламентаризма, «поизносились» и к ним следует относиться исторически: Запад и Россия по-разному и на разном уровне воспринимают и трансформируют эти идеи. У России свой путь, она должна опираться на вековой опыт Европы с поправками на социализм. «Русское творчество» состоит в том, «чтобы брать не последнее слово уже дряхлеющей идеи, а ее глубокое историческое содержание: найти для нее формы, соответствующие духу времени».

Осмысливая опыт европейского и российского развития и осознавая многосложность общественной атмосферы и в Европе, и в России, Федотов считал необходимым активизировать эмигрантскую творческую мысль для понимания возможностей эмиграции и сплочения сил в противоборстве с большевизмом.

В эмигрантской литературе, начиная с 20-х гг., активно обсуждался вопрос о форме будущего политического правления России. Федотов считал, что современное поколение в России примет любую власть, которая обеспечит ей минимум гражданской свободы – бытовой, хозяйственной и культурной. Он рассматривал разные формы власти и их применимость в постбольшевистской России.

Преимущества монархической власти Федотов видел в традиционной вере народа в ответственность единодержавного правления, а также в возможной роли хранителя культурных ценностей. Но фактом русской жизни он признавал исчезновение монархической идеи, ее изжитость в общественном сознании. «Только древняя монархия, сильная нерастраченным авторитетом, – писал он, – может вести политику социальных реформ, может опираться на демократию. Последыши обречены жить и умереть со своим классом». Установление в России монархии Федотов считал утопией, но, если бы оно было возможным, то осуществилось бы в форме реставрации династии Романовых, представляя для страны большую опасность. И, тем не менее: «Если бы чудом России свалилась с неба монархия... она, вероятно, не встретила бы сопротивления» и объединила бы людей различных политических ориентаций.

Наиболее приемлемой политической формой будущего государственного устройства России Федотов признавал республику. Он объяснял это тем, что республика не требует ломки в народном сознании. «Дух трезвости, расчетливости, хозяйственности» и эгалитарности составляет моральную атмосферу советской республики и может быть живучим в новой России. Однако Федотов отмечал, что эта республика лишена романтического пафоса и нуждается в воспитании на «героических республиканских идеалах Греции и Рима», на православном народопрямстве Новгорода. И только при этом соединении республика может стать «положительным идеалом», обогащенным элементами национальной религиозной культуры³⁹.

В размышлениях о будущей России Федотов признавал и возможность «неизбежности» диктатуры. Установление диктатуры он объяснял пассивностью масс и отсутствием правового сознания. «Если власть не может опираться в своей самозащите на правовое чувство нации, она вынуждена опираться на силу. Иначе она будет сметена...»⁴⁰. Важно заметить, что установление диктатуры Федотов считал возможным при разных формах государственной власти, в том числе и при демократии. В истории России Федотов видел разное содержание диктаторской власти. Царская Россия имела «удобную почву» для деспотизма, но этому препятствовала влиятельная прослойка интеллигенции, одушевленная пафосом свободы, а также наличие самоуправления и общественного мнения. В Советской же России произошло «вытравление чувства свободы». «Мы вернулись – политически, – свидетельствовал Федотов, – в обстановку XVIII века». Смута и аморфность ставили на повестку дня необходимость установления диктатуры.

Целесообразность установления диктатуры Федотов обосновывал также необходимостью сохранять единство России. «Вот почему, – писал он, – Россия не может в ближайшие годы позволить себе роскошь свободной политической борьбы, которая на ее еще горячей почве всегда рискует превратиться в междоусобие». Он признавал три вида диктатуры: единоличную, партийную и монархическую. Под партийной диктатурой Федотов имел в виду диктатуру коммунистической партии, которая при определенных условиях может продлиться и в постбольшевистское время. Здесь же Федотов замечал, что партия уже «износилась как самостоятельная политическая форма», превратилась в единоличную диктатуру и функционирует как политический аппарат. Советскую власть и фашистский режим он объединял понятием идеологической диктатуры, их общей чертой считал удушение свободы и творчества. Однако, фашизм как «самый вредный вариант», по его мнению, был неприемлем для России, в то время как советский строй мог составить определенную основу для новой постбольшевистской России.

Федотов много размышлял о демократии, о возможности демократического устройства постбольшевистской России. Демократия для Федотова означала власть народа, а источником власти являлась народная воля. Понятие демократии он наделял двумя идеями, одна из которых относится к символу, вторая – к социальной действительности. Символ, мистика демократии, поясняет Федотов, – это имя народа. «В демократии все вершится именем народа, как в Англии именем короля»⁴¹. Вторая идея связана с политической реализацией «народной воли». Народ при демократии несет не только государственное служение, но и ответственность. Кроме того, демократия является, как подчеркивал Федотов, единственной формой правового государства.

Самоуправление народа, по Федотову, не может быть ограничено только государственным правлением. Важной принадлежностью демократии является и создание местного мунци-

³⁹ Федотов Г. П. Проблемы будущей России // Собр. соч. в 12 тт. Т. V. М., 2008. С. 144.

⁴⁰ Там же. С. 162–167.

⁴¹ Федотов Г. П. Наша демократия // Полн. собр. соч. Т. V. С. 255.

ципального и профессионального хозяйственного самоуправления. Без этой основы, подчеркивает Федотов, демократия не защищена от перерождения в цезаризм.

Основополагающими ценностями демократии Федотов признавал неотъемлемость прав и свобод личности. «В порядке ценностей свобода личности для христианского политика, – писал он, – стоит бесспорно на первом месте: она превыше всех политических форм». Это свобода личности от общества, от государства; одновременно государство обязано защищать личность от произвола, оскорбления и насилия. Федотов перечисляет длинный список свобод, которые формируют демократию: свобода совести, мысли, слова, собраний и т. д. Но самой главной он признает свободу убеждений – религиозных, моральных, политических, научных – и свободу их публичного выражения.

Социальная свобода, полагает Федотов, утверждается на двух истинах христианства. Первая из них – абсолютная ценность личности («души»), которой нельзя пожертвовать ни для народа, ни для государства и даже церкви, и вторая – свобода выбора пути между истинной и ложью, добром и злом. Что касается политических свобод демократии, то они являются производными от основной свободы – свободы духа⁴².

Следует отметить, что Федотов проводил различие между социальным и политическим пониманием демократии. Социальная демократия – строй, действующий в интересах народных масс и максимально обеспечивающий права граждан. Но этот строй представлялся ему мало реальным. Современные западноевропейские парламентские демократии, по признанию современников, в том числе и Федотова, находились в кризисном состоянии. Их слабость Федотов видел прежде всего в том, что они не способны решать все возрастающие социальные проблемы, и связывал это с утратой парламентского большинства, обязанного обеспечить стабильность и работоспособность власти.

Резкой критике Федотов подвергал политические партии, которые погрязли в интригах и демагогии, современных политиков, переставших быть подлинными вождями народа, парламенты, которые все более заполняют «ловкие ораторы» и «сомнительные дельцы». Для управления государством и решения социальных задач, – считал он, – нужны иные качества правителей. «Люди культуры, просто порядочные люди все более уходят из политической жизни... Политика стала делом презренным, парламентарии предметом глумления»⁴³

⁴² Федотов Г. П. Рождение свободы // Судьба и грехи России... Т. 2. С. 257–275; *Он же*. Основы христианской демократии // Собр. соч. Т. V. С. 248; *Он же*. Наша демократия // Там же. С. 257.

⁴³ Федотов Г. П. Наша демократия // Там же. С. 252; *Он же*. О демократии формальной и реальной // Там же. С. 265–269.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.